

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

ВЕТЕР

...Дервиш сказал:
 – Я бродил по многим мудрецам...
 храмам... книгам... библиотекам...
 пыльным дорогам... странам... народам...
 городам... в поисках земной мудрости...
 И вот, в конце земной дороги,
 стою перед Богом и чувствую себя,
 как Идущий с пиалой воды
 вдоль необъятного океана,
 иль муравей,
 ползущий по Пирамиде Хеопса...
 и даже меньше муравья...

О, Господь! И зачем были странствия эти?
 И зачем Тебе двуногий муравей...
 Зачем Тебе Бредущий с пиалой воды
 вдоль океана...
 Зачем...

На земле никто не знает...
 На земле нет мне ответа...
 Так открываются долгоданные Врата
 в Царствие Небесное...
 В Вечные Селенья...
 Только там я узнаю,
 зачем по земле я проществовал...
 промаялся...

Старцы Двух Миров говорят,
 что там нет времени, нет ветра...

А я, заблудший двуногий муравей
 с пиалой на берегу океана,
 все ещё люблю до костей проникающий
 живой ветер... ветер... ветер...
 И маки, рассыпающиеся
 в майских травах ветреных...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мой вечнообразный и оттого бессмертный
 Тысячелетний брат Омар Хайям
 С гранатовым кувшином мусалласа...

Мой древний друг – погонщик вечный
 Тленных караванов Саади
 С неистово нагой ночной
 Ширазскою тюрчанкой

Уходят открыленно неизбывно
 Непереносимо вдаль... вдаль...
 И только пыль... пыль прощания
 Неправимого неизъясного
 В глазах моих слезящихся – от них... от них

И!.. Всё ближе... ближе... ближе...
 Апостол Ада... Адолисец Данте
 Зовёт... манит... повелевает...
 Влечёт меня... за все грехи мои...

А я хочу, минуя Ад,
 Вернуться в Рай – откуда вышел я...
 Где лев родной рычит...
 Где змей родной шипит...
 Павлин родной кричит...

Где Девы кровью первую родною
 И Отрока струёй жемчужною родною
 Ещё не тронутые...
 Не забрызганные... не замутнённые...
 Не ослеплённые...
 Родные... Но ещё не Кровные –
 Бродят Ева и Адам...
 Где жемчуга текучие
 Ещё не встретились с текучими
 Гранатовыми зёрнами...

ГЮЗЕЛЬ

Я притомился... увял...
 И блаженно уснул
 На твоих нежно-юных сметанных
 Податливых кашливых
 Неистово лететных талых холмах...
 На твоих всколиях... лунных округлостях...
 Извивах... изгибах... ягодицах... грудях...
 Пропастях... живительных ручейках...

А ты не спала.
 И всё содвигала алчно бешено качала
 Ночную вселенную
 Девьего млечного необъятного
 Ненасытного тела... тела... тела...

Ах Господь!.. Где душа у горящей
 плодообильной чреватой чадом девы?..

А всё всю ночь раздвигала колени –
 Жемчужные луны
 И всё упавала... дышала... губами душила...
 Металась свежепойманной птицей иль рыбой
 В бухарских павлиньих уже охладевших
 Моих курпачах подушках одеялах...

И только под утро
 В цветущих древнеперсидских сиренях
 Дурманно-туманных
 Неслышно нехижно бесплотно ушла...
 Ускользнула... оттрепетала...

...Потом я проснулся...
 Блаженно опустошённый...
 Навеки влюблённый
 И потому навеки одинокий...
 А на бухарской эмирской фазаньей подушке –
 Огнянный смольной долгий
 Как брачная ночь перводевственников,
 Волос... волос... извилистый,
 Как тропинка в горах
 Волос... подрезанный колос...
 И все ещё вьётся... колеблется... дышит...
 Надеется... бьётся

Тимур зульфикаров

Как змея гюрза в водопаде
 Скользит... ускользает... льётся... лиётся...

А я все шепчу твоё имя: Гюзель!...
 Гюзель...
 Змея – гюрза в водопаде...
 Гюрза в водопаде...
 Гюрзель!.. Гюрзель!..
 Не уходи!.. Не теряйся!..
 В Водопаде седом Бытия –
 Не рассыпайся... не растворяйся...

А то мне на Земле без тебя – одиноко...
 Как позабытому на подушке
 Безвинному волосу...

ДОБРАЯ ВЕСТЬ

...Дервиш сказал:
 – В молодости – Ворота
 Открыты для добрых вестей...
 В зрелости – калитка...
 В старости – форточка...

Я стар.
 Я живу с вечно открытой форточкой...
 И что?..
 Где добрые вести?..
 Господь мой!..
 Что медлишь?..

ЗОЛОТАЯ СТАРОСТЬ

Золотая айва в золотом листопаде
 На дороге пустынной туманной
 Пльнёт... ворожит... опадает...

Золотые плоды и листва золотая – опали
 Лишь одна золотая айва
 На верхушке – нагой ледяной
 Упала опоздала
 И от ветра дрожит... уповает...

Так любимые жены и други мои
 Как плоды золотые и листья хмельные
 Ушли... Затерялись... Опали... Ували...
 Улетели... Пропели... Пропали...

Только старость моя –
 Золотая айва –
 В жизни всё потерявшая
 Но ничего не забывшая...
 Не запаматовавшая...

В опустелых холодных ветвах
 Одиноким плодом
 Шевелит...

Всё надеется
 Всё не смиряется
 С тленом повальным златоопадным...

А кто смиряется?..

КТО НАС ЖДЁТ В РАЮ

Мудрец говорит:
 – Матери не умирают, а ждут нас в Раю...
 Рай – это сады матерей...

И!.. Всё нам чудится, что в Раю,
 В вечноцветущем неопадном Саду, – ждут
 нас, возлюбленных чад-дитятей,
 Наши матушки и батюшки...

О Боже!..

И вдруг и они
 Вспомнили, как были чадами
 У колен своих отца и матери,
 И ушли к ним...

И тогда –
 Кто нас ждёт в Раю?..

И тогда в Раю –
 Вы будете ждать ваших чад...

Осень... Осень...
 Зачем ты уходишь...

Осень... Осень...
 Журавлиное пёрышко... пёрышко...
 То трепещущее...
 То умолкшее...

ПУЛЯ

Пуля... пуля моя...
 Ты летишь и поёшь журавлём
 В поднебесье...

Но журавль
 Не весёлый горячий весенний...
 А холодный... печальный... осенний...

Пуля... пуля моя...
 Ты летишь и поёшь
 Свою древнюю песню –
 От которой леса и поля и душа
 Холодеют...

Пуля... пуля моя...
 Журавли улетели... пропали... пропели...
 Ну, а ты всё летишь и поёшь
 Свою древнюю тошную скучную песню...

Пуля... пуля моя...
 Журавли улетели...
 Ну, а ты все летишь и поёшь
 Над могилами и колыбелями...

Пуля... пуля моя...
 Скольких ты увела... унесла...
 А меня всё жалеешь...

Пуля... пуля моя...
 Где ты... Где ты?
 Что-то я притомился... устал...
 От твоей неоконченной
 От твоей затанувшейся
 Раздирающей песни...

РОДИНА ХОДЖИ НАСРЕДИНА

...У великого Странника, героя фольклора
 43 стран и 100 народов спросили:
 – Мудрец, как чувствуешь ты себя
 В России и в Таджикистане?..
 Среди родных, заботливых,
 Любящих тебя русских и таджиков?..

Ходжа, у которого вместо языка
 Всегда был огненный перец, улынулся:
 – Я живу среди русских –
 Как павлин среди куриц...
 Я живу средь таджиков,
 Как кит средь арыков...

РУСЬ – ВОИТЕЛЬНИЦА

Перестройка... перестройка...
 В поле – глушь... бурьян да мышь...

По-хозяйски, словно волки,
 Рыщут инородцев орды...

И уже не отличишь –
 Где деревни?..
 Где погосты?..

Русь!.. Молчишь?..
 Русь!.. Меч таишь?..

О, Молчалиница!..
 Смиреница!..

Доколь?.. Доколь?..
 Доколе?..

...А ведь Спас взшёл на Крест,
 Потому что нёс не Мир, но Меч!

И оттого был человеком,
 А стал Богом...

Русь!.. Доколь?.. Доколь?..
 Доколе?..

Меч возьмишь –
 И станешь Богом...

ТЕНИ РАЯ И АДА

Утренний сон
 Так хрупок... так дымчат... так близок...
 Так скоротечен... так сладок...
 Можно коснуться руками.
 Те тени святые...
 Родные... скользющие
 И ускользящие...

О, Боже!..
 Говорят, что Рай –
 Это сладкие Тени мелькающие.
 Вот они!.. Вот они – рядом!..
 И дышат!.. И улыбаются!..

Вот моя молодая матушка
 Печёт пирожки со свежесорванным луком
 Изумрудно-пахучим
 И шепчет:

– Сыночек... сынок...
 Пора... пора... проснуться...

И шалый майский духovitый медовый
 Ветер... ветер... ветер
 Бьётся... льётся
 В накрамаленных занавесках
 Моего лазорегого сананного домика...

О, Господь!.. Всеотец!..
 Вседержитель Летящей Вселенной!..
 Моего отца убили,
 Когда я был младенец...
 И с того дня Ты – Отец мне...

О, Господь!.. Говорят...
 Шепчут мудрецы древние,
 Побывавшие в Двух Мирах, –
 Что в Твоих небесных Селеньях
 Нет Всеетучего Времени,
 Но веют Вечные майские сиреневые
 Ветры... ветерки... ветры блаженные...

И вечно колеблются колышутся
 Тихострунные вечнонакрамаленные
 Занавески... занавески...

И вечномладая матушка вечно шепчет:
 – Сынок... вечный мальчик...
 Просыпайся...
 Уже вечные золотистые пирожки
 С вечноизумрудным луком
 Созрели... зарумянились...
 В масле златом зашипели... запели...

Ах, Господь!..
 Утренний сон так хрупок!..
 Так сладок!.. Так дымчат!..
 Так близок!..
 Так быстротечен!..
 Так вечен!..

Говорят, что в Раю
 В утреннем голубом тумане
 Реют веют сладкие вечные
 Нежно-родимые весёлые Тени...
 Тени... Тени...

И если их тронешь... заденешь...
 Они ещё более развеселятся...
 Возрадуются... разгуляются...

Говорят, что в Аду,
 В вечернем знобком тумане
 Те тени родные печатаются...
 Страждут... рыдают...

И если их тронешь... заденешь...
 Они ещё более опечалятся... поникнут...
 И ещё более разрыдаются...

О! Боже!..
 О! Судья Всепросяющий...

О! Как Твоё сердце не разрывается...

ЧАША ЖИЗНИ

Ах, Чаша Жизни наклонилась...
 И вот-вот расплещется...
 В моих перстах морщинистых,
 Как головы печальных
 Многомудрых черепах...

Господь!..
 А я всё пью, сосу, цежу согбенный,
 Из Чаши Жизни наклоненной –
 Хотя давным-давно в Ней нет вина,
 А лишь – одна вода... Одна вода...

Но! Я всё пью из Чаши опустевшей –
 Среди хмельных друзей
 И жгучих спелых дев –
 Которые давным-давно
 Покинули Сей Свет...

...Но вечно веселятся в двух мирах –
 И там... И здесь...

ЗАВЕЩАНИЕ

Пусть бесы графоманы
 Сыплют на меня Песок Забвенья!..

Пусть я –
 От одиночества и старости –
 Стал жёлтым как осенние сады...

Я всё равно останусь
 Свежей трепетною шалой
 Изумрудной Ветвью
 На Вечном Древе
 Русской Красоты!..

МОСКВА

*Третий Рим –
 гениальный юродивый –
 Расправляет
 лохматые волосы...
 Илья Тюрин*

Третий Рим, второй Ершалаим –
 Сколько прозвищ мы тебе дарили?
 Мы торгуем, строимся, горим –
 Вечен ты в своей лукавой силе.

Над тщёткой опальных наших дней,
 Где мелькает злота дня пустая,
 Вновь Москва, как город-Назорей,
 Волосы-дороги распускает –

Спутанные, в седине снегов,
 Словно сеть, которой ловят небо...
 Семь холмов, семь башен,
 семь Голгоф,

Лоб Земли,
 сплетенье русских нервов.

С древности, с монголов, с Калиты
 Ты собирала землю по крупицам,
 Чтоб смогли все русские мечты
 О твоё величие разбиться.

Слобода за слободой росли,
 Ни мороз,
 ни враг им не был страшен,
 И тянулись к небу от земли
 Пальцы красные
 кремлёвских башен...

Прирастая гордостью своей,
 Строилась ты на крови и славе –
 Каменными юбками церквей,
 Медными волнами православья...

Из судеб нарублены рубли...
 Полон мыслей о стране распятой
 Лоб, тающий мозг всяя Земли,
 Словно площадь Красная, покатый.

Лобные места, кресты церквей,
 Автотрассы, башни, дым и грохот...
 Спился с правдой – общей и моей –
 Этот злой, великий, тёмный город.

Третий Рим, огромный и суров, –
 Сердце, кровь гонящее без цели,
 Город звона, казней и крестов,
 Город плясок, гульбищ и метелей...

В нём хранится, до поры тайм,
 Русский путь от смерти
 к воскресенью –

Третий Рим, второй Ершалаим,
 Город – царь и город – наважденье.

ВДОХНОВЕНИЕ

...Оно приходит словно ниоткуда
 И сразу всем становится для нас.

Оно – тревога, трепет, вера в чудо,
 Доступное для наших душ и глаз.
 И вот – ты пишешь, и бумага груды
 Ты переводишь за какой-то час.

И ты прямой становишься и выше –
 Прямей дождя, сильнее муравья.
 В твоей душе

звучит всё тише, тише
 Та мысль, что жизнь –

не чья-то, а твоя.

И ты стихом –
 не кислородом – дышишь
 На грани бытия и забытья.

И ты готов всю жизнь
 бродить по кругу,
 Ища одну, но верную строку.

Петлёр сомкнётся круг –
 и нет ни друга,
 Ни дома, ни удачи на веку.

Ты – рыцарь без удачи, без испуга,
 Так радуйся, судьба!

Merci beaucoup!

И вот уже грузнее стала поступь,
 Ведь тяжесть мира – на плечах твоих.

Ты с губ сдираешь песню,
 как коросту,

Ты мал, как атом, и как мир, велик.
 И всё на свете так легко и просто –
 Кабак, вино, петля,

предсмертный крик...

...Пиши, строчи,
 иди во тьму тропую,

Которую ты должен описать,
 Любуйся, как и жизнью, и тобою

Жестокая играет благодать,
 Ведь это – всё,

что можно звать судьбою,
 И это – всё,

что счастьем можно звать!

В ХРАМЕ

Храм, как колодец, тих и темён, –
 Сосуд, воздетый над землёй
 В простор, что страшен и огромен,
 Где плещет тьма – живой водой.

И в сумрачном колодце нефа,
 Где ходят волны полутьмы,
 Мы черпаем лубовяз из неба –
 Мы взяты у небес вазы.

И тьма волнуется, как море,
 Где раздробил себя Господь
 На звёзды в сумрачном просторе,
 Чтоб сумрак плоти побороть.

В Твоей тиши душе просторно.
 Там глубину находит взгляд,
 Там сквозя меня растёт упорно
 Столетний тёмный вертоград.

А рядом – нищие, калеки,
 Юродства неуявдший цвет.
 Осколок Божий в человеке
 Сквозь плоть свой источник свет.
 В неверном пламени огарков
 Тмеют лица стариков,
 Пророков, старцев, патриархов
 Из ста колен, из тьмы веков.
 Древнее Ноя, Авраама,
 Древнее Авелевых стад –
 Они от века люди храма,
 Лишь ими град земной богат.

Мёд Одина

И, возносясь под самый купол,
 Воздетых рук стоперный куст,
 Что Господа едва нащупал,
 Пьёт полумрак всей сотней уст.

Но – выше дня и выше ночи
 Безмолвствуешь над Нами Ты,
 Ты – сумерек нетленный зодчий,
 Пастух вселенской темноты.

Твой дух под куполом вивает,
 Превыше человеческих троп,
 И вечий сумрак возлагает
 Свои ладони мне на лоб.

Как тяжело Твоё прощенье,
 Быть может, гнева тяжелей.
 Но Ты – наш Царь,

и Ты – Служенье,

и Ты – елей.

Ты – голубая вязь страницы,
 Ты – тот псалом, что я пою.

Облек Ты ближе власницы
 И плоть мою, и суть мою.

Тебя я строю, словно птицы –
 Гнездо. Стою в Твоем строю.
 И в людях, не смотря на лица,
 Твой ток вселенский узнаю.

Ты, не уставишь с неба литься
 В немой простор моей страсти –
 Господь! Прими мольбу мою.

ГОРЬКИЙ МЁД

...Чтоб вековечно
 собирали пчёлы
 Мёд Одина,
 хмельной
 и горький мёд.

Леонид Мартынов

Мёд Одина,
 хмельной и горький мёд!
 Тебя искали воины, пророки,
 А находили – те, кто пишет строки,
 В которых жизнь известна наперёд.

Мёд Одина!

В нём – горький хмель высот,
 В нём – город, рынок, улица, деревня,

В нём – правда, жгучая до воспаления,
 А кто его вкусил, –

тот чужд вселенной,
 И кто его простит!

И кто поймёт!

Мёд Одина,
 хмельной и горький мёд!

Мёд Одина

...Всё дальше,
 дальше проникает взор

В земную плоть,
 в пороки и в пророков,

Он не боится сплетен и упрёков,
 Всё – вопреки, и всё – наперекор!

И речь кривится, на губах дрожа,
 И набухает в жилах кровь-тревога,